

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Поздняя империя и закат античности

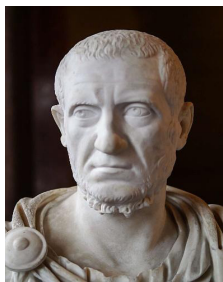

Этой лекцией мы заканчиваем рассказ об античной историографии. Мы поговорим об историках и традиции историописания ранней Римской империи, а затем и переходного периода, то есть о времени изживания античной культуры. Закончим мы лекцию обсуждением античной историографии в целом для того, чтобы подчеркнуть как ее вклад, так и ее своеобразие.

Начнем, как обычно, с контекста.

На границе тысячелетий, на пороге нового, первого тысячелетия христианской эры, Римская республика окончательно трансформировалась в империю. Так как первые императоры, начиная с Августа, именовали себя «принцепсами» (первыми в списке сенаторов), то и вся первая половина вошла в историю как период «Принципата». Первая династия – Юлиев-Клавдиев – вышла из знатных родов. За ней последовала династия Флавиев, названная так в честь основателя Тита Флавия Веспасиана. Последний, в отличие от своих предшественников, был выходцем из крестьянской среды, сделавшим карьеру в армии. Первый век нашей эры не принес государству стабильности. Многих из императоров отличала маниакальная подозрительность, жестокость и нетерпимость. Правления Тиберия, Калигулы, Нерона и Домициана сопровождалось проскрипциями против нобилитета, преследованием христиан, расточительными и часто неудачными войнами с соседями. Только с воцарением третьей династии – династии Антонинов – в Рим вернулось спокойствие внутри и снаружи.

Историки первого века нашей эры писали в условиях окончательной ломки республиканских взглядов. Власть императоров была обожествлена, что сказалось на исторической прозе. Официальная история носила хвалебный характер. Оппозиционно настроенные историки были враждебно встречены властями, а их сочинения уничтожены.

Тем не менее, несмотря на усилившуюся цензуру, в этот период появились ряд талантливых историков, среди которых первое место принадлежит Публию Корнелию Тациту (ок. 55–120 гг.). Первую половину жизни Тацит занимался политикой провел. Он был претором, сенатором и проконсулом римской провинции Азия в современной Турции.

Написанием истории Тацит занялся лишь со смертью императора Домициана, ставшего олицетворением деспотизма. Последующие за его убийством правления Нервы и Траяна представляли собой восстановление относительной законности, поэтому способствовали созданию более критического образа прошлого.

Главные труды Тацита – «История» и «Анналы» – дошли до нас лишь частями. В первом из них Тацит задается задачей описания периода, начиная с гражданской войны 68 года вплоть до гибели Домициана. Вторая из его основных работ является своего рода приквелом к «Истории», покрывая период со смерти Августа в 14 году.

Кроме того, Тацит являлся автором отдельно стоящих сочинений: «Агрикола» – биографии своего тестя, известного полководца, проведшего ряд кампаний в Британии; «Германия» – этнографический и исторический очерк о живущих к востоку от Рейна древних германских племенах; «Диалог об ораторах» – затрагивающий роль ораторов в сужающемся публичном пространстве ранней империи.

Первое, что бросается в глаза при прочтении Тацита, это его глубокой пессимизм, вызванный событиями в Римском государстве. Хотя Тацит настаивает на необходимости писать *sine ira et studio* (без гнева и пристрастия), он мучим чувствами вины и стыда за своих сограждан, допустивших преступления таких императоров, как Тиберий, Нерон и Домициан. Несмотря на их патологическую жестокость, эти императоры не кажутся Тациту неким исключением. Наоборот, он видит в них естественное следствие единовластия, естественное следствие исчезновения той римской добродетели, того простого достоинства, на основе которого и зиждилась свобода римских граждан.

Моральному разложению римского общества, допустившего становление единовластия, Тацит противопоставляет простоту и свободолюбие германцев. Германцы, безусловно, не чужды порокам, но их пороки просты, даже невинны. Им неизвестен комфорт цивилизации, роскошь «вечного города», но они близки к природе, в том числе и собственной, внутренней природе свободолюбивого человека. Они дики, но чисты. В них нет рафинированности, но есть честность и естественное благородство.

Неудивительно, что трактат Тацита о германцах лег в основу не только немецкой ранней самоидентификации, но и более общей критике цивилизации.

В «Агриколе», написанной в ярко выраженном хвалебном тоне, Тацит выводит образ идеального римлянина. Гней Юлий Агрикола, римский полководец, бывший проконсулом, то есть губернатором

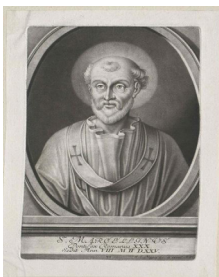
Британии, сохраняет свое достоинство в недостойную эпоху деспотизма и всеобщего раболепия. В нем есть тот римский «виртус» (мужественность, или добродетель), благодаря которому и было создано мировое государство, но которое давно уже стало качеством, обреченным на постепенную рудиментизацию. Тацит намекает на то, что с империей можно смириться, но только на условиях полного осознания ответственности перед собой и перед предками.

Тацит, безусловно, скорбит по республике, но он понимает, что ее падение было во много predetermined ее выдающимися успехами в покорении других народов. Рим и римляне были обольщены приобретенным богатством и культурой покоренных народов. Поддавшись искушению, римляне переродились. Вместе с ними переродилось и их устройство. Власть растеряла мудрость и меру, заменив их самовольством и безудержностью. Ее пороки – это пороки самих людей.

Но все ли зависит только от человека? В текстах Тацита боги вмешиваются в жизни людей не для награды и дарования счастья, а только для наказания. Неясными представлялись влияния фортуны и судьбы. Кажется, со времени Саллюстия римским историкам становилось все сложнее объяснять ход событий.

История для Тацита есть драма, результат столкновения личностей. При этом личности не рассматривались изнутри. Каждый из действующих лиц в руках Тацита превращался в олицетворение определенных добродетелей или пороков. Его персонажи не столько принимают решения, сколько дают волю своей природе. Заложники своих черт утверждают собой мысль Тацита о всеобщей несвободе новой эпохи, несвободе как подданных, так и господствующего класса.

С течением времени ностальгия по республиканскому строю утратила свою остроту. Империя перерождалась. И уже к концу III века мало чем отличалась от восточных абсолютных монархий. Из «Принцепса» («первого сенатора») император превратился в «Доминуса», господина, повелевавшего подвластными народами, не заботясь об оставшихся республиканских пережитках. Этот последний период в истории империи именуется Доминатом.

Самым крупным историком этого периода, периода заката Античности, был Аммиан Марцеллин (330–400 гг.). Марцеллин происходил из восточных эллинизированных провинций империи, но писал на латыни. Он был близок к императору Юлиану, прозванному «Отступником» за его попытку возродить языческие традиции и остановить продвижение христианства. В качестве офицера римской армии Марцеллин принял участие в неудачном походе Юлиана против Сасанидского Ирана. В 363 году Юлиан скончался от полученных в битве с персами ран. И вместе с ним рухнули надежды на восстановление традиционных римских верований.

Марцеллин так и остался до конца своей жизни предан эллинистической языческой культуре и ее мировоззрению, пусть и в его обновленном неоплатоническом обрамлении.

Именуемый «Деяниями» труд Марцеллина как бы продолжает начатое Тацитом. Точкой отсчета является приход к власти в 96 году первого императора из династии Антонинов Нервы. Заканчивается повествование смертью императора Валента в 378 году в Адрианопольской битве. До нас дошла лишь небольшая часть сочинения, описывающая события с 353 по 378 годы.

Марцеллина интересует империя в целом. Он пишет, как о провинциях, так и о соседних с ними территориях. Из его работ мы узнаем не только о германцах, но и о пришедших с востока гуннах, их нравах и политическом устройстве. В определенном роде «Деяния» Марцеллина представляют собой синтез греческой этнографии и римской исторической мысли, в особенности ее неизменной тревоге и все более усиливающемуся пессимизму.

Марцеллин ощущает себя свидетелем упадка Рима. Процесс этот кажется ему естественным, сравнимым со старением человеческого организма. Но он не может вообразить себе гибели «вечного города», что, конечно же, говорит о мощной инерции «римского мифа», созданного усилиями историков. Обратный счет к концу Римской империи уже пошел на года, но идея о ней, как мы увидим в дальнейшем, будет и дальше существовать как некая бестелесная субстанция в поисках нового воплощения.

Мы прошли путь длиною почти в тысячу лет. Теперь самое время дать общую характеристику античному историческому сознанию и традиции историописания. В чем же их своеобразие?

Первое, на что необходимо обратить внимание, это отсутствие идеи прогресса. Историческое время – не ресурс и не преграда к развитию. Это в некотором роде пустое время. Оно появляется лишь с самими

событиями и явлениями, разными по форме, но фундаментально не отличающимися одно от другого по внутреннему содержанию. Конкретная война является в то же время войной вообще, восстание – восстанием вообще, заговор – примером всех заговоров. Как в космосе, так и в обществе все было подчиненно безвременному закону. Его можно было назвать Логосом, Необходимостью, Богом-Зевсом, как это делали стоики.

Как следствие такого представления о прошлом, преобразования и новации казались нарушениями существующего в природе порядка вещей и наделялись неизменно негативным смыслом.

Вместо прогресса и линейного времени историки античности отстаивали идею о цикличности перемен. Это придавало повествованиям дух фатализма. Люди действуют сообразно своим рациональным мотивам, но в конечном итоге они не в состоянии бросить вызов судьбе и повернуть ход времени вспять.

У античных авторов отсутствует современное представление о взаимосвязи событий. Они предлагают читателям сведения самого разного характера и в этом видят свое «профессиональное» призвание. Тем не менее, эта информация не сливается в единое целое. События самодостаточны, что также объясняет, почему историки античности заостряли свое внимание на внешней стороне истории, не углубляясь при этом в глубинные процессы социальной и культурной жизни.

Хотя античным авторам чужд историзм нового времени, они осознают важность прошлого. Прошлое, сродни природе, служит источником эмпирического знания об определенных особенностях человеческого бытия в космосе. Эти сведения проходят сквозь фильтр этических суждений. Они необходимы как примеры добродетельного или порочного поведения для воспитания новых лидеров и ведомых ими сообществ. Античный историк – моралист, а не беспристрастный исследователь прошлого.

Описывая масштабные события или массовые выступления, античные историки не интересуются их реальными причинами. Здесь нет экономического анализа, нет описания «структур» повседневности, нет понимания эволюции идей и их роли в общественной жизни. Этот уровень существования общества находится за пределами предмета, достойного описания в античном историческом сочинении. А значит, столь важное для античной исторической мысли требование объективности, полноты и беспристрастности обладает глубоким своеобразием. Понятия исторической правды и объективности в античной трактовке только внешне могут быть соотнесены с их современным содержанием: за формальным сходством терминов стоит принципиальное различие подразумеваемых под ними явлений.

Историческое знание античности – это описание исторических событий без глубокого исторического сознания. Можно сказать, что историки древности пишут, не до конца отдавая себе отчет, для чего. Причины, побуждающие их к письму, современному читателю могут показаться недостаточными. Здесь уместно провести аналогию с античной философией. Как высказался Аристотель, вся философия происходит из чувства удивления. Удивление остается одной из сил, обуславливающих развитие научного знания на протяжении всей античности.

История – не исключение. Историками, как и философами, с самого начала движет чувство удивления перед событиями, современниками которых они часто являлись. Это чувство не поддается четкому описанию, оно несравненно больше всего дидактического и морализаторского пафоса, коим историки древности наделяли свои работы.

Для того, чтобы историографическая традиция перешла на иной, более осознанный уровень, уровень, уже не полагающийся полностью лишь на чувство удивления, необходимы были кардинальные изменения в общественном восприятии исторического времени. Эти изменения сопровождали процесс перехода от Античности к Средневековью, наделяя его определенным содержанием.

Об этом переходе и о рождении новой историографической традиции пойдет речь в нашей следующей лекции.